

На лице Лю Цзиньмэй появились замешательство и удивление, что подтвердило догадку Лю Яоцина.

— Если старший дядя так сказал, почему он сам не пошел работать, а отправил вас? И вы действительно пошли, — с усмешкой произнес Лю Яоцин, видя, что Лю Цзиньмэй всё ещё не понимает, продолжил. — Ты что, не видишь? Старший дядя просто играет с вами. Всё, что у меня есть на горе и на полях, учтено, и кто работает, тоже всем известно. Вы, считаясь моими родственниками, не должны работать за еду. Если об этом узнают, кто-то подумает, что я специально вас эксплуатирую, а кто-то — что я просто глупец.

— Ладно, ничего больше не говорите, идите домой.

Лю Яоцин махнул рукой, не собираясь слушать дальнейшие объяснения Лю Цзиньмэй. Он уже накормил их, и этого было достаточно. Родственные отношения должны быть основаны на взаимном уважении, а не на выгоде.

— Цин-гэр, я действительно хотела помочь... Работы так много, её долго выполнять... — Лю Цзиньмэй говорила искренне, вероятно, так и думала.

Но Лю Яоцин снова покачал головой:

— Ты думаешь, что помогаешь мне, но на самом деле вредишь. Я объяснил, но ты, похоже, не поняла. Просто иди домой и не думай об этом. Если ты будешь упорствовать, мне придется выгнать вас, не считаясь с родственными узами...

После долгих уговоров Лю Цзиньмэй и Чжан Дашань наконец ушли, и Лю Яоцин с облегчением вздохнул.

Такие люди, как они, не имеют злых намерений, но они не понимают, что их используют. Они могут стать орудием в руках злых людей и причинить вред другим. Лю Яоцин считал, что такие люди труднее, чем откровенные злодеи. Злодеи хотя бы осознают свои поступки, а вот те, кто не понимает, что делает, могут быть жестокими ко всем без разбора.

С тех пор, как Лю Цзиньмэй поселилась у старика Лю, Лю Яоцин понял, что она не разбирается в людях.

Кто такие старик Лю и Ли-ши? Разве они не достаточно мучили её в прошлом? Даже если у неё не было места для жизни и нечего есть, лучше было бы начать с нуля, чем возвращаться за крохами еды и позволять себя использовать, унижая своих детей.

Лю Цзиньмэй и Чжан Дашань не понимали этого, и их жизнь становилась всё более запутанной. Лю Яоцин не хотел вмешиваться.

— Жизнь не так проста. Мало быть добрым и не иметь злых намерений, нужно ещё и понимать, что происходит, — с грустью сказал Лю Яоцин, поднимая Мао Бая, который спал на кане.

— Ты, дружище, теперь, когда стало теплее, нужно больше двигаться, иначе как ты вырастишь перья и полетишь с таким жирком?

Мао Бай лениво перевернулся, не обращая на это внимания.

Бросив Мао Бая в сторону, Лю Яоцин сам улегся на теплый кан, не желая выходить.

Чжэцзы-гэ вошел с тремя помидорами, только что сорванными в теплице. На их кончиках была легкая зелень, такие помидоры были сладкими, и Лю Яоцин любил их.

— Цин-гэр, этот Чай Ци всё ещё здесь, похоже, он нашел Хань Да и других, и работает с ними. Что будем делать?

Хань Да сейчас отвечал за различные работы на горе и в поле, каждый день был занят, и требовалось много сил. Однако Лю Яоцин не обижал его, платил почти самую высокую зарплату, обеспечивал трехразовым питанием с мясом на обед и ужин, и еды было вдоволь.

Чай Ци был необычным человеком, Лю Яоцин это знал, но не ожидал, что он задержится так надолго.

— Если он действительно работает и не ленится, пусть работает, будем относиться к нему, как к деревенским мужчинам, — после раздумий сказал Лю Яоцин. — Нам лучше не вмешиваться, возможно, кто-то другой разберется с ним.

— Цин-гэр прав, — согласился Чжэцзы-гэ.

Чай Ци, нагло присоединившись к Хань Да и другим, имел на то причины. Он не планировал задерживаться так долго, но деньги закончились, а еда, которую получали мужчины за день работы, была действительно отличной.

Он никогда не ел таких мягких грубых маньтоу, а в большом котле с мясом были огромные куски, и даже овощи были нарезаны крупно, но всё это вызывало слюнки.

Чай Ци узнал Хань Да и, нагло попросив немного маньтоу и еды, загорелся желанием продолжать работать.

К счастью, когда Лю Яоцин пришел раздавать таблички в обед, он дал одну и Чай Ци, чтобы тому не пришлось больше нагло просить еду.

Подойдя на гору за маньтоу, Чай Ци спросил:

— Как вы делаете такие маньтоу, знаете?

— Конечно знаем, — ответил Хань Да.

Хотя они были простыми солдатами, но имели происхождение и знания, иначе их бы не отправили на такое необычное задание.

В других местах, чтобы сделать мягкие маньтоу, использовали закваску, но это придавало кислый вкус, и даже лучшие мастера не могли гарантировать, что каждый раз маньтоу будут без кислинки. Однако на горе грубые маньтоу делали каждый день, и они всегда были мягкими, без малейшей кислинки.

— Говорят, Цин-гэр сам приготовил закваску, потратив на это много времени, и добавляет что-то ещё при приготовлении маньтоу, — сказал Хань Да. — Но нам лучше не лезть в это, это не наше дело.

— Верно, — кивнул Чай Ци. После прибытия в деревню Шангу он тоже не решался задавать лишних вопросов.

Через несколько дней на обед вместо маньтоу начали раздавать большие лепешки, а блюдо

осталось прежним — с большим количеством мяса и ароматного масла. За день работы можно было получить тарелку еды, которой хватало на целый день для всей семьи, а мясо можно было оставить на следующий день.

В мастерской лепешек Лю Яоцин сидел на табурете.

— В мастерской лепешек до сих пор есть маньтоу, мягкие и без кислинки. Если не съесть за один раз, на следующий день их можно снова подогреть, и они будут как свежие, — с улыбкой говорил Лю Яоцин, показывая маньтоу, которые уже подогревали дважды. Они выглядели и пахли, как только что приготовленные, и были такими же вкусными.

— Я возьму корзину, — тут же сказал торговец. У него был не только смелость, но и знания.

После этого маньтоу стали продаваться гораздо лучше, и в первый день всё было раскуплено.

Эти торговцы не ели маньтоу сами, а продавали их вместе с лепешками.

Маньтоу были без кислинки, очень мягкими, и даже после нескольких разогревов оставались такими же вкусными. Даже сделанные из грубой муки, они пользовались популярностью. Лепешки тоже были из грубого зерна, но их всё чаще ели, даже молодые господа любили брать их с собой в путешествия, жарить мясо и заворачивать в лепешки.

— Говорят, в той усадьбе много клубники, одна семья может купить две коробки. У нас же несколько семей делят одну коробку, и даже не успевают попробовать. Может, съездим туда?

Тот, кто это говорил, явно был из обеспеченной семьи, раз мог позволить себе такие деликатесы.

Но тут же кто-то возразил:

— У меня есть дальний родственник, который занимается торговлей. Он говорит, что в деревне Шангу больше всего клубники. Этот Цин-гэр каждый раз выносит огромную миску клубники и угощает всех, не беря денег.

— Ты же редко общаешься с бедными родственниками?

— Ха, этот родственник привез мне сразу три коробки клубники. Как думаешь, он бедный?

— Три коробки! Ты даже не сказал нам! Надо было хотя бы две поделить.

— Хе-хе, я и сам съел немного. У меня большая семья, вы же знаете, всё сразу разобрали.

Сейчас клубника стала даже популярнее лепешек. Это был редкий и дорогой продукт, доступный не многим, но те, кто мог себе это позволить, не боялись дальних дорог, что приносило торговцам хорошую прибыль.

Многие хотели приехать в деревню Шангу за клубникой, но мало кто мог это сделать. Во-первых, это место хоть и было известно, но не все могли туда попасть. Во-вторых, те, у кого были связи, знали, что император всё чаще вспоминал о деликатесах из деревни Шангу, но сам ещё не пробовал их. Если бы кто-то приехал и попробовал, а император узнал, что бы он почувствовал? Гнев или ещё больший гнев?

Так что, хотя деревня Шангу была маленькой и раньше могла бы исчезнуть без внимания важных персон, теперь всё изменилось. От императора до простых людей, в разговорах часто

упоминалась деревня Шангу.

И чаще всего говорили о еде.

<http://bllate.org/book/16688/1532124>